

суздальцы и муромцы говорят о владимирцах: „то суть наши холопи каменъници“.¹ Владимирцы отмечали в новгородцах их „гордость“.² Вслед за этими народными характеристиками и летописец говорит о переяславцах, что они „дезви суще“.³

К этим же характеристикам примыкает и характеристика курян — „сведомых кметей“ в „Слове о полку Игореве“. Все эти характеристики интересны тем, что они передаются летописцем как всем известные, как народное мнение и как „слава“ о тех или иных жителях. Во всех них чувствуется опора на реальную народную молву.

Характеристика „курян“ в „Слове о полку Игореве“ по своим принципам художественного обобщения совпадает с характеристикой „воинства рязанского“ в „Повести о разорении Рязани Батыем“ — тех „удальцов и резвцов“ рязанских, из которых „един бяшешя с тысящей, а два со тмою“.⁴ И в „Слове“, и в „Повести“ перед нами характеристика воинства, в которой ни слова не говорится о феодальной верности воинов своему князю, но всё направлено только на то, чтобы вывить воинские добродетели бойцов-защитников Родины.

Характерные явления обнаруживаются в XII—XIII веках в тех же памятниках при создании образа народного героя, образа защитника Родины. Этот герой гиперболизируется в своей силе и мужестве, он как бы вырастает в размерах, его не могут одолеть враги. Однако понятие гиперболы может быть здесь применено с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается тем, что на этого героя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод Буй Тур в „Слове о полку Игореве“ прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными, и шлемы аварские „поскепаны“ его калеными саблями. Само собой разумеется, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и ее саблями: у самого Всеволода мог быть только один меч или сабля. То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в „Слове“ и в других случаях. Святослав Киевский „притрепел“ коварство половцев „своими сильными плъкы и харалужными мечи“; Всеволод Суздальский может „Донъ шеломы выльяти“ — не одним своим шлемом, а многими шлемами, конечно, его воинов.

Так же точно создается и образ Евпатия Коловрата в „Повести о разорении Рязани Батыем“. На Евпатия переносятся подвиги его воинов и их боевые качества. Он как бы соединяет в себе черты всего русского воинства. Он без милости сечет полки Батыевы так, что татары стали „яко пияны или неистовы“.⁵ Когда мечи Евпатия притупились, он брал татарские мечи и сек ими. Опять-таки характерно это множественное число: „яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и сечаша их“.⁶ Не может быть сомнения в том, что, говоря о Евпатии, автор имел в виду не одного его, но всю его дружину. Вот почему дальше говорится: „татарове мняше, яко мертви восташа“. Речь идет именно о мертвых, о многих воскресших бойцах. Вот почему и дальше без всякого перехода говорится о полке Евпатия: полк Евпатия и сам Евпатий объединены. Благодаря этому Евпатий вырастает до богатырских размеров: он „исполин силою“, убить его удастся

¹ Лаврентьевская летопись, под 1175 г., стр. 374.

² Там же, под 1169 г., стр. 362.

³ Там же, стр. 360.

⁴ Повести о Николае Заразском. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 290—291.

⁵ Там же, стр. 293.

⁶ Там же.